

Ю.В. Латов

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ И ИХ ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИ ПОМОЩИ КОНЦЕПЦИИ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

При изучении истории экономической мысли всегда подчеркивается зависимость формирования новых экономических концепций от социально-экономических условий. Тем самым история развития экономической мысли априори рассматривается как часть экономической истории. Однако у экономической истории как науки есть несколько парадигм, и далеко не все они используются для понимания путей развития экономической мысли.

Для анализа развития экономических учений традиционно используют практически исключительно формационные подходы — либо в марксистской версии (теория общественных формаций), либо в институциональной версии (теория постиндустриального общества). Но в последние десятилетия в изучении экономической истории наряду с формационным подходом все чаще используется подход цивилизационный, подчеркивающий специфику развития отдельных регионов и стран.

Ярким примером новых подходов к пониманию закономерностей экономической истории является парадигма мир-системного анализа, предложенная в 1970-е гг. американским обществоведом И. Валлерстайном и французским историком Ф. Броделем¹. Если ранее историки рассматривали развитие каждой страны как относительно самостоятельный процесс, связанный с переходами от одной ступени развития к другой, то мир-системный анализ предлагает обращать главное внимание на взаимовлияние и взаимообусловленность развития национальных экономик, стран «ядра» и периферии, являющихся элементами единой геоэкономической системы².

Использование мир-системного подхода позволяет, на наш взгляд, объяснить некоторые парадоксы развития экономичес-

ких теорий, мало понятные и даже не замечаемые в рамках формационного подхода.

Парадоксы истории экономических теорий

Парадокс национальной диспропорциональности развития экономических теорий. Изучение истории экономических теорий основано на неявном предположении, что речь идет об изложении объективно наиболее гениальных и практически значимых концепций. Поскольку экономическая теория в собственном смысле слова — феномен культуры капиталистического общественного строя, то следовало бы ожидать, что среди гениальных экономистов будут более-менее равномерно фигурировать представители всех относительно развитых наций. Более того, поскольку практическая актуальность экономических реформ выше в странах догоняющего развития, было бы логично, если бы полупериферийные страны давали гениальных экономистов даже с большей частотой, чем страны «ядра».

Но на самом деле все не так. История экономической науки поражает резкой диспропорциональностью: выдающиеся экономисты рождаются и работают почти исключительно в двух-трех высокоразвитых странах, в то время как подавляющее большинство мировых наций демонстрирует странную «стерильность».

От момента рождения в конце XVIII в. как самостоятельной науки и до конца XIX в. самые гениальные экономисты появлялись почти исключительно в Англии и в «Германиях»: за Ла-Маншем — классическая английская политическая экономия (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Милль); в континентальной Европе — экономисты немецкоязычных государств (Ф. Лист, три поколения немецкой исторической школы, австрийские маржиналисты); в лице К. Маркса синтезировались обе национальные традиции³. С конца XIX в. экономическая наука становится чисто англоязычной: до середины XX в. наиболее выдающиеся экономисты «концентрируются» в Великобритании и в Соединенных Штатах (А. Маршалл, Т. Веблен, Дж.М. Кейнс), а затем (вторая половина XX в.) — только в США.

Если посмотреть на список Нобелевских лауреатов по экономике, то на фоне Э. Самуэльсона, М. Фридмана, Г. Беккера, Д. Норта, Т. Шеллинга и многих-многих других американцев

даже англичане Р. Коуз и К. Грэнджер выглядят исключением. По состоянию на 2006 г. национальный состав лауреатов Нобелевской премии по экономике выглядит так: среди 58-ми лауреатов

– американцев — 32 человека, с учетом «перемещенных лиц»⁴ — 39 (67,2%);

– англичан — 7 человек, с учетом «перемещенных лиц» — 9 (15,5%);

– представителей стран Скандинавии — 5 (8,6%);

– представителей других стран континентальной Западной Европы — 4 (6,9%), среди них два француза, голландец и немец;

– представителей других стран мира — 1 (1,7%), это наш советский Л.В. Канторович.

Размышления над национальной принадлежностью великих экономистов порождают ряд вопросов.

Можно понять, почему страны «третьего мира» дают крайне мало выдающихся экономистов: низкий уровень жизни влечет за собой низкий уровень системы образования и низкую доходность от выбора научной карьеры. Однако, если задуматься, от отсутствия выдающихся экономистов страдают не просто бедные страны, но все не-европейские («восточные») страны в целом⁵. Между тем, как известно, ряд стран Дальнего Востока (четыре «тихоокеанских дракона») уже треть века считаются высокоразвитыми, а Япония является таковой уже целое столетие. Однако где гениальные японские, южнокорейские, тайваньские экономисты XX века?

Парадоксально, что некоторые развитые страны, считающиеся «колыбелью» капиталистического строя, тоже выдвинули крайне мало выдающихся экономистов. Франция, родина Великой французской буржуазной революции, за два последних столетия дала только А.-О. Курно, Л. Вальраса, Ж. Дебрё и М. Алле. Италия — лишь В. Парето⁶ и П. Сраффу⁷, Голландия — одного Я. Гинбергена.

В рамках традиционных подходов трудно объяснить, почему в начале XX в. вдруг «замолчала» Германия. Макс Вебер стал, пожалуй, последним всемирно известным немецким обществоведом, оказавшим сильное влияние на экономическую науку. Есть, правда, три великих австрийца, которые в XX в. оказали очень сильное влияние на экономическую мысль, — это Л. фон

Мизес, Й. Шумпетер и Ф. фон Хайек; с оговорками к ним можно добавить и венгра К. Поланьи, который начал активно заниматься наукой в период жизни в Вене. Однако их справедливо называют австро-американскими (или австро-английскими) экономистами, поскольку «состоялись» (получили известность) они все же именно в США и в Великобритании.

Итак, если попытаться взглянуть на историю экономических теорий XVIII–XXI вв. «с высоты птичьего полета», то обнаруживается странная закономерность: сначала знаменитые экономические теории создаются как бы конкурирующими англо- и немецкоязычными учеными, затем на авансцене остаются одни лишь англоговорящие экономисты. Заслуги экономической науки всех других стран мира, кроме Большой Англии (Великобритания плюс США) и Большой Германии, могут уместиться едва ли не в подстрочных сносках к перечню достижений англо-американцев и австро-немцев.

Парадокс незамечаемых выдающихся экономистов. Если внимательно присмотреться к развитию национальной экономической науки стран, которые считаются «стерильными» на великих экономистов, то замечаешь еще один странный парадокс. Оказывается, выдающиеся (и даже очень выдающиеся!) экономисты в этих странах есть. Только их почему-то не замечают.

Рассмотрим подробнее этот парадокс на примере немецкой экономической науки второй половины XX в.

В списке Нобелевских лауреатов по экономике среди десятков американских экономистов «затесался» лишь один-единственный немец (Райнхард Зелтен, один из разработчиков теории игр, лауреат 1994 г.). Между тем есть целая школа немецкой экономической мысли, которая более чем заслуживает восхищения ее заслугами. Речь идет о немецком ордо-либерализме, основанном еще в 1930-е гг. В. Ойкеном, идеи которого оказали сильное влияние на Л. Эрхарда — творца послевоенного «немецкого экономического чуда»⁸.

Немецкие либералы — творцы социального рыночного хозяйства — имеют в современной экономической науке очень двусмысленный статус.

Если исходить из того, что практическая ценность — это главный критерий оценки экономических теорий, то немецкие

либералы должны занимать наивысшие места в мировой «табеле о рангах» экономистов XX века. Ведь перед нами, как будто бы, уникальный пример того, как более чем успешная экономическая реформа была проведена профессиональными экономистами в соответствии с разработанной ими новой экономической теорией.

Цикл «новая теория — программа реформ — проведение реформ» кажется само собой разумеющимся. Однако если задуматься, он наблюдается крайне редко. Еще реже проведенные в соответствии с новой «кабинетной» теорией практические реформы оказывались успешными.

Например, величайшим экономистом XX века называют Дж.М. Кейнса, поскольку кейнсианство изначально имело практическую направленность и стало эффективным инструментом государственной социально-экономической политики. Но «кейнсианская политика» начала активно воплощаться в «новом курсе» Ф. Рузвельта (с 1933 г.) и даже в экономической политике Гитлера еще до выхода в свет «Общей теории занятости, процента и денег» (1936 г.). Идея о том, что государство уже не может играть роль только «ночного сторожа», а обязано для спасения рыночного хозяйства активно заниматься его регулированием, после Великой Депрессии в буквальном смысле слова витала в воздухе. Кейнс лишь «онаучил» то, что уже практически воплощалось в жизнь.

Другие великие экономисты минувшего столетия либо вообще не занимались разработкой «больших» реформ (Й. Шумпетер, Р. Коуз), либо ограничивались лишь общетеоретическим обоснованием (Т. Веблен, М. Фридмен). Случаи, когда профессиональный экономист приходил «во власть» и начинал осуществлять (или хотя бы активно лоббировать) реформы, опираясь на экономическую теорию, довольно редки, а результаты обычно оказывались весьма двусмысленными. Благодаря либералу Т. Гайдару реформы «переломного» 1992 года называют в России «гайдароэкономикой», однако их результаты оценивают в лучшем случае удовлетворительно. Есть схожие примеры и за рубежом. Например, французский либерал Ж. Рюэфф был в 1960-е гг. экономическим советником президента Франции Ш. де Голля, а пуанский либерал Э. де Сото — в 1990-е совет-

ником президента Перу А. Фухимори. Вынужденная отставка де Голля и бегство проворовавшегося Фухимори изрядно подмочили репутацию их советников.

Помимо «немецкого чуда» XX век знает немало других экономических «чудес» — успешных «больших» реформ: «новый курс» Рузвельта, «японское чудо», расцвет Сингапура, «южно-корейское чудо», «тэтчеризм», «рейганомику» и др. Однако все они готовились и осуществлялись харизматичными политиками, которые не слишком заботились о теоретическом обосновании своего видения экономического развития.

Итак, выдающиеся экономисты очень редко и не слишком успешно участвуют в проведении реформ, а при проведении успешных реформ харизматичные политики обходились без экономистов-теоретиков. Поэтому фигура Л. Эрхарда — профессионального экономиста, проводящего успешные реформы на основе новаторской теории ордо-либералов, — кажется редчайшим воплощением желаемого идеала соединения экономической теории с хозяйственной практикой.

Так какое же место занимает Л. Эрхард и немецкий ордо-либерализм на страницах современных учебников по истории экономической мысли? Практически никакое!

В большинстве курсов по истории экономической науки немецкие ордо-либералы упоминаются лишь мимоходом или даже не упоминаются вообще⁹. Среди лауреатов Нобелевской премии по экономике Людвиг Эрхарда тоже нет, хотя ее начали присуждать почти за десятилетие до его смерти.

Налицо парадокс: самые успешные, казалось бы, экономисты XX века имеют в официальной историографии экономических учений статус своего рода «человека-невидимки».

Итак, почему же англо-американским экономистам удалось почти полностью вытеснить немецких (а заодно и прочих «континентальных») экономистов из мейнстрима экономической науки? Почему немецкие либералы, доказавшие на практике ценность своих идей, оказались аутсайдерами академической экономической науки?

Загадка лидерства англо-американских либералов и аутсайдерства немецких либералов является, на наш взгляд, частным проявлением некоторых общих закономерностей развития мейн-

стрима экономической науки. Для этого надо взглянуть на саму экономическую науку как на исторически специфический социально-экономический институт, развитие которого обусловлено не только саморазвитием экономической мысли, но и, в значительной степени, глобальным развитием институциональных систем.

Институциональная конкуренция — ключ к объяснению парадоксов развития экономической теории¹⁰

Институциональная конкуренция. Как мы ранее уже писали¹¹, главным теоретическим принципом анализа социально-экономического развития общества должен стать тезис о *конкуренции как главном содержании экономической истории*¹². Эта конкуренция прослеживается в двух аспектах:

- 1) конкуренция институтов («правил игры»);
- 2) конкуренция экономических систем — комплексов институциональных норм.

В процессе конкурентного отбора соревнуются многие нормы и системы, частично субституциональные по отношению друг к другу. В ходе этой конкуренции происходит отбор тех институтов и тех экономических систем, которые наиболее эффективны. Критерий эффективности конкурирующих институтов и систем можно сформулировать как их способность повышать благосостояние людей — благосостояние в самом широком смысле слова (не только материальное, но и духовное; не только «здесь и сейчас», но и в долгосрочном аспекте).

Люди, вовлеченные в ту или иную институциональную систему, постоянно испытывают нехватку ресурсов (работников, плодородной земли, капиталов, полезных ископаемых и т.д.). Восполнить эту нехватку можно двумя путями — либо «взять у природы» (создавать новые технологии материального производства), либо «взять у других». Под «другими» здесь понимаются как раз представители иной институциональной системы, а «взять» означает либо отнять чужие ресурсы, либо перенимать чужие методы более эффективного использования своих ресурсов.

Институциональную конкуренцию можно, казалось бы, считать экстенсивным путем социально-экономического развития, поскольку она направлена на расширение количества ресурсов, находящихся в распоряжении какой-либо одной институцио-

нальной системы, а не на увеличение эффективности их использования в рамках человечества в целом. Однако именно конкуренция систем заставляет их мобилизовать свои способности по повышению эффективности использования ресурсов. Поэтому без институциональной конкуренции интенсивный путь социально-экономического развития тоже вряд ли возможен. Отсюда вытекает объективная необходимость институционального разнообразия. Если будет господствовать одна-единственная институциональная система, то она в значительной степени потеряет стимулы к совершенствованию.

Таким образом, объективная функция институциональной конкуренции — это поиск («открытие») и расширение сферы действия наиболее эффективных видов или отдельных наборов «правил игры».

В столкновении разных институтов побеждают те, которым легче подавить конкурентов. Это, конечно, похоже на тавтологию («побеждают те, которые побеждают»). Однако такая тавтология обращает внимание на главный критерий сравнительной эффективности институтов — на их способность противодействовать «чужому». Подавление «чужих» моделей может происходить самым разным образом: либо «экспортом институтов» путем прямого военного насилия (завоевание Америки в XVI–XIX вв. европейцами), либо демонстрацией преимуществ своей модели и помощью в «импорте институтов» (современная политика США в отношении остального мира).

Конкуренция технологий подавления (противоборства подавлению) тесно связана с другими уровнями институциональной конкуренции (рис.).

Среди технологий подавления (военных, экономических, идеологических) наиболее сильны и устойчивы те, которые опираются на преимущества в производстве и потреблении (уровне и качестве жизни). «Правы большие батальоны», вооруженные более совершенным оружием и желающие отстаивать свой образ жизни. Конкуренция уровня и качества жизни, далее, опирается на конкуренцию правил производства экономических благ — на конкуренцию экономических институтов. Высшим уровнем институциональной конкуренции является конкуренция правил совершенствования старых и генерирования новых экономических институтов.

Четыре уровня конкуренции региональных/национальных моделей экономики

Следует подчеркнуть, что конкурентные преимущества на более верхних «этажах» становятся не потенциально возможными, а реальными лишь тогда, когда они влияют на конкурентные преимущества более низких «этажей». Перефразируя классика, можно сказать, что любая институциональная система лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться и наступать. Если некая институциональная система обеспечивает своим приверженцам более высокий уровень жизни, но не дает надежной защиты от внешней агрессии со стороны представителей другой институциональной системы, то такая система заведомо не конкурентна в долгосрочном периоде¹³.

Следует подчеркнуть, что в силу зависимости от предшествующего развития эффективность институтов и систем может заметно различаться в среднесрочном и в долгосрочном периодах. Поэтому первоначально побеждавшие в конкуренции нормы и системы могут затем потерять свой конкурентный потенциал и оказаться «институциональной ловушкой».

В силу множественности конкурирующих институтов и систем процесс развития общества является многоуровневым и многолинейным:

– соревнуются разные формационные системы (в частности, в первой половине XX в. — командная индустриальная с рыночной индустриальной);

– соревнуются разные цивилизационные/национальные системы (так, в XX в. внутри командной системы соревновались советская, китайская и восточноевропейская подсистемы);

– соревнуются различные институты внутри формационных и цивилизационных/национальных экономических систем (например, в США XX в. шло соревнование между прямыми, кейнсианскими, и косвенными, неоклассическими, методами регулирования экономики).

Важно подчеркнуть, что каждый из институтов развивается не изолировано, а как элемент определенной институциональной системы. Поэтому институциональная конкуренция, как правило, является конкуренцией «пакетов» взаимосвязанных институтов. Если один институциональный «пакет» в целом эффективнее другого, то доминирующими становятся все его компоненты, даже если отдельные институты из предпочтительного «пакета» хуже соответствующих институтов менее конкурентного пакета¹⁴.

Институциональный выбор. Таким образом, *экономическая история предстает как последовательность институциональных выборов — выборов траекторий развития*, коллективно совершаемых отдельными социальными группами и цивилизациями во взаимодействии друг с другом.

Институциональный выбор — это такое изменение формальных и неформальных правил, а также способов и эффективности принуждения к исполнению правил и ограничений, когда выбирается какой-либо один предпочтительный вариант из нескольких потенциально возможных.

Долгосрочные экономические изменения являются, как правило, результатом накопления множества краткосрочных решений политических и экономических агентов. Выбор, которые делают агенты, отражает их субъективное представление об окружающем мире. Поэтому степень соответствия между результатами и намерениями зависит от того, насколько верны эти представления. Поскольку модели поведения людей отражают идеи, идеологию, убеждения (которые лишь частично подвергаются исправлению и улучшению обратной связью), то последс-

твия сознательно принятых решений часто являются не только неопределенными, но и непредсказуемыми. Поэтому исторический процесс всегда допускает альтернативность, хотя и в разной мере в различные периоды.

Идеология в широком смысле слова является важным механизмом координации краткосрочных и долгосрочных приоритетов людей. Если бы не было идеологических мотивов, то люди делали выбор с ориентацией только на удовлетворение своих личных краткосрочных интересов. Это приводило бы к умножению институциональных ловушек типа «рак, лебедь и щука»: каждый отстаивает свой интерес, в результате сложения импульсов «воз» не двигается вообще, или двигается туда, куда никому не надо. Любая идеологическая система (даже либерально-индивидуалистическая) предлагает всем руководствоваться некими едиными мотивы, которые отражают не столько личный опыт отдельных индивидов, сколько опыт социальных групп и организаций. Поэтому институциональный выбор проходит в атмосфере соперничества идеологий, которые сами по себе тоже являются одним из институтов конституционного выбора.

Институциональный выбор имеет иерархическую структуру, отражающую иерархию уровней институциональной конкуренции: выбор отдельных экономических институтов зависит от предварительного выбора институтов конституционного выбора и сам оказывает определяющее воздействие на выбор производственных технологий. В качестве иллюстрации можно вспомнить хотя бы концепцию М. Вебера, согласно которой развитие частного предпринимательства в некоторых странах Западной Европе нового времени стало возможным благодаря сделанному в эпоху позднего средневековья выбору протестантизма как идеологии, поощряющей индивидуалистическую борьбу за личное преуспеяние. Эту причинно-следственную цепочку можно продолжить: развитие частного предпринимательства стимулировало развитие машинного производства, что привело к массовому производству совершенного огнестрельного оружия, с которым малочисленные европейцы могли без труда завоевывать самые многолюдные азиатские/феодальные государства Востока.

Отбор более совершенных институтов и экономических систем может происходить разными способами: как стихийно (не-

осознанно), так и сознательно; с применением насилия (менее конкурентные институты уничтожаются в ходе революций, отстающие системы гибнут в войнах с более передовыми) или мирным путем (в процессе экономических реформ, экспорта институтов и миграции ресурсов). На ранних фазах истории доминирует стихийный и насильственный конкурентный отбор, позже начинает преобладать сознательный и мирный выбор. Можно говорить о конкуренции способов отбора институтов как о высшем уровне институциональной конкуренции в экономической истории.

Экономическая теория в условиях капиталистической формации как раз и выступает как один из наиболее важных сводов правил принятия решений. Современные экономисты так прямо и определяют свою науку: экономика — наука о выборе. Поэтому конкуренция экономических теорий — это высший, четвертый уровень институциональной конкуренции.

Как указывалось ранее, исход конкуренции на этом высшем уровне во многом зависит от исхода институциональной конкуренции на других, более низших уровнях. Концепция мир-системного анализа позволяет, как нам кажется, проследить связь изменений экономической теории с изменениями в расстановке «фигур» на глобальной «шахматной доске». Согласно нашей гипотезе, выбор научным сообществом доминирующих экономических концепций во многом зависел от исхода силового противоборства стран-лидеров капиталистической мир-экономики, и сами концепции «мэйнстрима» оказывали существенное влияние на сценарий этого противоборства.

Развитие экономической мысли как отражение институциональной конкуренции: история победителей

Итак, объяснение отмеченных ранее парадоксов, кроется, как мы полагаем, в отмеченной В. Ойкеном «интердепенденции»¹⁵, примененной к экономической науке. Как сама экономика зависит от культурной, политической и иных сфер жизни общества, так и экономическая мысль включена в культурный контекст эпохи¹⁶.

Экономическая наука как институт «британского владычества» в Европе. Развитие мировой культуры последних трех столетий, на наш взгляд, следует интерпретировать как противоборство/конкуренцию нескольких национальных культур наиболее

развитых стран за право определять «дух эпохи». В терминах мир-системного анализа И. Валлерстайна, речь идет о конкуренции самых сильных стран ядра за лидерство в капиталистической мир-системе.

Сам Валлерстайн и другие последователи парадигмы мир-системного анализа рассматривают эту конкуренцию как противоборство бизнес-сетей и национальных государств. Но столкновение национальных экономических систем проецируется и в сферу культуры, ведет к противоборству национальных культурных систем. В истории экономической науки, согласно нашей гипотезе, это отражается в полемике различных национальных школ экономической мысли. Участники этого противоборства сами редко осознают свою национально-культурную ангажированность. Однако объективно за разным пониманием ценностей и смыслов хозяйственной жизни, задач и методов экономической модернизации часто скрываются именно разные национально-культурные традиции.

Первый раунд противоборства между странами «ядра» за роль лидера капиталистической мир-системы развернулся в XVII–XVIII в. между Голландией, Великобританией и Францией.

Голландия «выпала» из борьбы первой, уже в конце XVII в., когда экономическая наука еще не успела сформироваться. До конца эпохи наполеоновских войн на роль лидера капиталистической мир-системы активно претендовала Франция. Именно здесь в XVII в. «острый галльский смысл» изобрел термин «политическая экономия». Именно здесь в XVIII в., до Адама Смита, возникла первая экономическая школа (физиократы) как важная часть идеологии Просвещения. Однако в 1815 г. Франции пришлось окончательно расстаться с претензиями на роль мирового лидера.

После поражения Наполеона начался век (до 1914 г.), когда Британия правила морями, а тем самым и миром в целом. Французской экономической науке с поражением Франции как нации осталась лишь второстепенная роль. Поэтому, например, экономико-математические исследования А.-О. Курно по моделированию спроса и монополизации, сделанные еще в 1830-е гг., оказались «отложены в долгий ящик» до конца XIX в.

Упрочению лидерства Великобритании отлично служила классическая английская политэкономия А. Смита и Д. Рикар-

до — идеология «свободной торговли». Ее про-британский характер заметен по меньшей мере в двух аспектах. Многие экономисты (начиная с Ф. Листа) отмечали, что свободная торговля наиболее выгодна, прежде всего, наиболее развитой стране мира, закрепляя ее лидерство. Реже замечают, что Великобритания является единственной европейской страной, для которой свобода торговли — это в буквальном смысле слова вопрос «ножа и вилки». После того как в XVI в. «овцы поели людей», экономика Англии стала остро зависеть от подвоза продуктов. Зная это, континентальные противники Великобритании не раз пытались одолеть ее чисто экономическим оружием (континентальная блокада Наполеона в 1800-е гг., неограниченная подводная война Германии во время Первой мировой войны). Идеология «свободной торговли» стала эффективным методом защиты чисто английских интересов, поскольку позволяла защищать их как наднациональную ценность¹⁷.

С середины XIX в. до середины XX в. шел второй раунд борьбы за мировое лидерство, когда Великобритании бросила вызов объединяющаяся Германия.

Противоборство английской культуры с «сумрачным немецким гением» протекало с переменным успехом: в целом побеждала Англия, но и Германии удавалось делать удачные «ходы». В частности, Германия дала на вызов английской классической политэкономии сильный ответ национальной экономией Фридриха Листа, которая обосновывала протекционизм как способ «догнать и перегнать» лидера¹⁸. Побочным плодом конкуренции английской и немецкой национальных экономических школ стало рождение марксизма, соединившего элементы обеих традиций и объективно также являвшегося идеологией борьбы отстающих стран против «британского империализма».

Однако «германский ответ» на «британский вызов» оказался в целом неудачным. В первой половине XX в. Германия как нация сначала потерпела поражение в Первой мировой войне, а затем совершила что-то вроде самоубийства, выбрав фашизм в качестве идеологии национального лидерства. После Второй мировой войны культура Германии стала восприниматься как источник националистической агрессии, а не родник новых социальных идей. Интеллектуальное лидерство полностью перешло

к англоязычной культуре, в рамках которой пальму первенства у истощенной Великобритании перехватили США, которые стали истинными победителями обеих мировых войн¹⁹.

Немецкая экономическая наука после катастрофы фашистского режима, конечно, не исчезла, но «провинциализировалась». Ранее идеи немецкоязычных экономистов активно «экспортировались», теперь они стали в основном «товаром для внутреннего использования». Если в конце XIX в. концепции австрийских маржиналистов подхватили и развили А. Маршалл и В. Парето, а Т. Веблен создавал свой институционализм в полемике с немецкой исторической школой, то в середине XX в. идеи немецких ордо-либералов никто за рубежом подхватывать и даже критиковать не стал. Для «экономикса» они просто прошли незамеченными.

Ордо-либерализм оказался последней самостоятельной школой немецкой экономической мысли. Об обрыве развития немецкой традиции в развитии экономической науки свидетельствует элементарная хронология. В течение столетия от Ф. Листа («Национальная система политической экономии», 1841 г.) до В. Ойкена («Основы национальной экономики», 1940 г.) новые «большие» экономические теории рождались в рамках немецкой культуры (включая в нее культуру не только Германии, но и Австрии) едва ли не каждое десятилетие. За последние полвека в немецкоязычных странах не родилось ни одной новой «большой» теории. Даже старые «национальные» теории (ордо-либерализм, неоавстрийская школа) постепенно отступают под натиском «экономикса»²⁰.

Механизм господства национальных школ экономической мысли. Как страна, являющаяся или претендующая на мировое лидерство, заставляет всех других поверить, что самые гениальные экономисты живут и работают именно в Англии (Германии, США...)? Как ей удастся добиться ретроспективного эффекта, убеждая научный мир, что и в прошлом именно эта страна славила выдающимися экономистами?

Один механизм, наиболее «грубый», описан петербургским экономистом М.А. Сторчевым во время дискуссии о социальном рыночном хозяйстве. «В 1982 г., — указывает он, — [в ФРГ] был издан сборник классических работ по социальной рыноч-

ной экономике (в английском переводе «Standard Texts on the Social Market Economy», в оригинале «Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft»), где собраны работы за последние два столетия, сформировавшие появление “социального рыночного хозяйства”. Там одни сплошные немецкие фамилии. Только А. Смит и Ж.-Б. Сэй удостоены чести быть предшественниками великой немецкой модели. Остальной англо- и франкоязычной мысли как будто не существовало. Зато есть фрагменты из Госсена и Тюенена. Они великие экономисты, спору нет, но считать их идейными предшественниками социального рыночного можно только в романтических патриотических фантазиях»²¹.

Итак, патриотичные немцы, составляя хрестоматии, искренне видят корни концепции социального рыночного хозяйства только в своей национальной культуре. Вряд ли экономисты других стран (включая англоязычных) отличаются от немцев в этом подсознательном патриотизме — стремлении подчеркивать при описании истории экономической науки заслуги «своих» и умалять заслуги «чужих» ученых. Если студенты других стран будут изучать историю науки, главным образом, по переводным изданиям, то они автоматически впитают и чужую «табель о рангах».

Другой механизм более тонок и, в конечном счете, более действенен: страна, лидирующая в мир-системе, диктует язык международного научного общения. В эпоху Просвещения таковым был французский, в позапрошлом веке — английский и немецкий, в XX веке — только английский. Того гения, кто пишет и издает свои труды на каком-то ином языке, услышит «разве жена, и то, если не на базаре, а близко».

История экономической науки знает много примеров того, как гениальные научные разработки на долгое время пропадали втуне, поскольку коллеги-ученые не могли с ними ознакомиться из-за языкового барьера. Так было и с русским А. Чаяновым (первым глубоким исследователем крестьянского хозяйства), и с поляком М. Калецким («открывшим» кейнсианство раньше Кейнса), и с французом М. Алле. Чтобы быть услышанным коллегами-учеными, гениальный экономист часто вынужден переселяться в страну-лидера и вливаться в ее научное сообщество (как австриец Й. Шумпетер или русский В. Леонтьев).

Не следует думать, будто язык научных исследований сам по себе нейтрален к содержанию текстов. Этнолингвисты доказывают, что в разных языках одинаковые понятия включены в различные системы ассоциаций, что диктует и совсем разные пути их осмысления²². Например, в русскоязычной культуре «деньги» скорее «грязные» и «бешенные», чем «честные» и «желанные»; «богатство» — скорее «духовное», чем «материальное». Англичанин Адам Смит мог в XVIII в. отделить «Богатство народов» от «Теории нравственных чувств»; для российского мыслителя такая операция непростая не только во времена Ивана Посошкова, но даже в современную эпоху.

Различия лингвистических контекстов тесно связаны с различиями национальных культурных норм. Этнологические (кросс-культурные) исследования показывают, что не просто «Запад есть Запад, Восток есть Восток», но существенные различия существуют и внутри «Запада». В частности, согласно методике Г. Хофстеда, для наций континентальной Европы характерен, в сравнении с англо-говорящими нациями, более низкий уровень ценностей индивидуализма, а для Франции — еще и повышенный уровень дистанции власти²³. Поэтому сдвиги в развитии мировой экономической мысли диктуются не только борьбой собственно экономических идей, но и столкновением разных культурных ценностей, которые сознательно или подсознательно транслируются экономистами разных наций.

Доминирующая уже почти столетие англо-американская экономическая культура диктует профессиональным экономистам не только язык науки (английский), но и системы ассоциаций («невидимая рука» рынка), способы осмысления проблем (эконометрика), представления о субъектах хозяйственной жизни (методологический индивидуализм), которые часто воспринимаются как единственно возможные правила современной экономической науки. Не следует, конечно, думать, будто популярность идей, скажем, М. Фридмана зависит *только* от того, что за «его спиной» стоит мировая супердержава. Но и от этого тоже.

Если бы континентальные противники Великобритании оказались более успешны, то в истории экономической теории все равно нашлось бы достойное место и А. Маршаллу, и Дж.М. Кейнсу, и Р. Коузу. Но «основное течение» экономи-

ческой науки оказалось бы в этом контрфактическом сценарии более «левым». В альтернативном мире, где Единая Европа возникла на полвека или даже на полтора века раньше (как результат победы Гогенцоллернов или Бонапарттов, ставших со временем чисто конституционными правителями, как британские Виндзоры), вероятнее всего, доминировали бы институциональные концепции, в духе «старого» институционализма. Математизация экономической науки приняла бы более умеренные масштабы, а американская неоклассика воспринималась как креативное, но все же относительно периферийное течение (примерно так сейчас относятся к ультралиберальным идеям Ф. фон Хайека).

Развитие экономической мысли как отражение институциональной конкуренции: история побежденных

Обреченные на неизвестность. Под влиянием англо-американской культурной гегемонии все экономические концепции начинают оцениваться с одной «колокольни». В результате альтернативные ветви развития экономических идей в рамках не англо-американских научных школ либо исчезают незамеченными, либо оцениваются постфактум как предвосхищение идей какого-либо англо-американского экономиста. Ярким примером этой закономерности является судьба ранее того же немецкого ордо-либерализма.

В ходе уже упоминавшейся дискуссии о социальном рыночном хозяйстве в ГУ-ВШЭ обнаружилось, что немецких ордо-либералов склонны воспринимать как интересных, но все же «второсортных» мыслителей. Характерны в этом отношении оценки того же самого М.А. Сторчевого, критиковавшего их как эпигонов англо-американских неоклассиков: «Когда экономист, воспитанный на англосаксонской литературе, впервые слышит о том, что есть некое “социальное рыночное хозяйство”...» (курсив мой. — Ю. Л.)²⁴. Выбрав за точку отсчета англо-американский «экономикс», действительно легко впасть в критический тон. Получается, что немецкие ордо-либералы «ничего не открыли и не разработали». Их можно похвалить лишь за то, что они все же «сумели распознать и отстоять наиболее эффективный способ организации в эпоху большой интеллектуальной сумятицы».

Иначе говоря, в сравнении с англо-американскими неоклассиками, они отличные практики, но вовсе не теоретики.

М.А. Сторчевого как критика ордо-либералов можно опровергнуть словами самого же М.А. Сторчевого. В ходе электронной дискуссии он писал: «Центральная идея В. Ойкена о различении “порядка” и “процесса” — это рассказанная другими словами история Дугласа Норта о “правилах игры”. Если бы немецкая экономическая наука стала бы мейнстримом, то вполне возможно, что новая институциональная экономика называлась бы сейчас ордо-экономикой или экономикой порядков. *Institution* и *Ordnung* — это почти тождественные понятия»²⁵. Но новая институциональная экономика — это «не совсем» неоклассика!

Действительно, сами современные немецкие экономисты, отыскивая аналогии между ордо-либеральной «теорией порядков» и концепциями англо-американского «экономикса», видят своих интеллектуальных «родственников» в представителях теории общественного выбора — точнее, конституционной экономики (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок и др.)²⁶. Немецкие либералы, как и их заокеанские «собратья», выступают проповедниками «сильного» государства, которое должно создавать необходимые институциональные условия для эффективного функционирования рыночной системы, а в вопросах регулирования текущих хозяйственных процессов ограничиваться лишь «корректирующей» функцией вмешательства. Но ведь в США конституционная экономика начала развиваться только с 1960-х гг. Получается, что немецкие ордо-либералы опередили американских экономистов-конституционалистов примерно на 20 лет. Они — пионеры, а не эпигоны!

Если вспомнить нобелевскую речь Дж. Бьюкенена, в которой он рассказывает о формировании своей концепции²⁷, то европейские корни американской теории общественного выбора несомненны. Правда, это корни не немецкие, а шведские: как вспоминает сам Дж. Бьюкенен, все началось с того, что в библиотеке в его руки случайно попала книга К. Викселля «Новый принцип справедливого налогообложения», написанная еще в 1896 г. Поэтому, хотя немецкие ордо-либералы предвосхитили американских экономистов-конституционалистов, рассматривать их как «отцов» constitutional economics вряд ли возможно.

Ордо-либерализм и Public Choice (шире — американский неонституционализм) оказались параллельными и почти независимыми друг от друга вариантами развития одной парадигмальной идеи: эффективный рынок — это сложный механизм, который может «сам по себе» (без постоянного вмешательства государства) функционировать, но вряд ли может спонтанно сформироваться. Немецкий ордо-либерализм родился раньше и, став основой практической эффективной политики, доказал свою значимость. Американский Public Choice сформировался позже и остается пока скорее позитивной научной концепцией, чем нормативной программой действий. Однако из-за того, что рождение немецкого ордо-либерализма совпало с поражением Германии в конкуренции стран ядра, концепции ордо-либералов не вошли в «мэйнстрим» мировой экономической науки, а пальма первенства досталась американцам.

М.А. Сторчевой полагает, что «если бы немецкая экономическая наука стала бы мэйнстримом, то вполне возможно, что новая институциональная экономика называлась бы сейчас ордо-экономикой или экономикой порядков»²⁸. Очень интересная идея, в духе контрфактической истории. Однако эта альтернатива развития экономической науки крайне маловероятна. Во второй половине XX в., после сокрушительного военного и идеологического поражения Германии в мировых войнах, немецкая экономическая наука уже *принципиально не могла* стать «мэйнстримом». Когда в конкуренции стран ядра одна из них терпит поражение, то одновременно терпит поражения и национальная культура этой страны, обреченная в дальнейшем на периферийное положение в мировой культуре. Отсюда и странный статус немецких ордо-либералов в истории экономических учений: даже признавая их исключительные заслуги в экономическом реформировании Германии, англо-американская традиция все равно не включает немецких либералов в «мэйнстрим», обрекая их на «провинциальный» статус.

В ожидании реванша. Впрочем, «конец истории» экономической науки еще не наступил. У тех наций, кто потерпел поражение в предыдущих столкновениях на глобальной «шахматной доске», всегда есть шанс предложить противнику новую «партию».

На наших глазах происходит реструктурирование современной мир-системы: гегемония США слабеет, мир становится

ся более многополярным. «Американский век», начавшийся в 1945 г., еще не завершился, но очевидно, что он будет короче «британского века». Абсолютная гегемония США постепенно уступает место «троецарствию» (Северная Америка — Западная Европа — Дальний Восток). В сфере экономической науки это отражается в усилении конкуренции англо-американской и континентально-европейской культурных традиций. Экономисты Дальнего Востока, вероятно, еще «на подходе».

Пока в конкуренции парадигм экономической науки наиболее активно ведут себя французские экономисты. Это можно проследить, в частности, по тенденциям развития постсоветского институционализма, который еще не сформировался как самостоятельная национальная школа и в значительной степени отражает зарубежные «векания». Если отечественные публикации 1990-х гг. четко отражали англо-американскую традицию (работы Р.И. Капелюшников, пропагандирующие концепции Р. Коуза), то в 2000-х гг. усилилось влияние французской школы (работы А.Н. Олейника, основанные во многом на идеях Л. Тевено и других представителей французского «социологизированного» институционализма).

Предлагаемая нами интерпретация мегатенденций развития экономической науки²⁹ имеет как позитивные, так и нормативные аспекты.

Существующие методы изучения и преподавания истории экономических учений нацелены на анализ концепций с точки зрения их чисто научной состоятельности. Между тем важной проблемой является понимание экономической науки не как «вещи в себе», а как части общекультурного развития мировой цивилизации. Изучение факторов, влияющих на формирование и на популярность научных теорий, требует понимания того, что многие из этих факторов лежат за рамками чисто экономической сферы.

Конечно, осознание национально-культурной ангажированности экономических теорий должно усилить осторожность российских экономистов в прямом заимствовании «общепринятых концепций», внимательно анализировать их явный и неявный ценностный фундамент. Ни о какой цензуре, конечно, не может быть и речи. Хороший российский экономист должен быть участником международного обмена идеями как осознан-

ного экспорта-импорта институтов, при заимствовании которых надо учитывать долгосрочные последствия.

Далее, если сдвиги экономических идей во многом отражают геоэкономические сдвиги, то российским экономистам надо готовиться к переориентации с англо-американского «экономикса» на концепции экономистов Западной Европы (возможно — и Дальнего Востока). Ведь те ветви развития экономической науки, которые сейчас воспринимаются как второстепенные боковые побеги, в будущем могут стать ведущими. И, конечно, необходимо стремиться к формированию оригинальных российских школ экономической мысли, которые смогут стать существенным элементом полифоничного «мэйнстрима» новой многополярной мир-системы, и к активной пропаганде их идей за рубежом.

Примечания

¹ Классическими трудами по мир-системному анализу являются следующие работы: Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. I–III. Academic Press, 1974–1989; Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge University Press, 1979; Априги Д. Долгий двадцатый век. Деньги и власть в происхождении нашей эпохи. М.: Территория будущего, 2006; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х т. М., 1986–1992; Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.

² О концепции мир-системного анализа см.: Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна. М., 1992; Фисун А.А. Мир-системный анализ как теория геоисторических изменений (<http://abuss.narod.ru/Biblio/fisun.htm>).

³ Следует оговориться, что при определении национальной принадлежности экономиста принципиально нельзя ограничиваться «анкетными» данными о месте рождения, о национальности и о гражданстве. На формирование личности индивида решающее влияние оказывают первые десятилетия жизни, особенно, годы профессионального обучения. Для ответа на вопрос, кто из экономистов какую нацию представляет, решающее значение имеют данные о месте их учебы, а также о том, в какой стране они смогли реализоваться как ученые. Поэтому, например, Карла Маркса, выпускника Берлинского университета, правомерно считать немецко-английским экономистом, поскольку экономические знания он осваивал самоучкой уже в Великобритании, где прожил основную часть жизни.

⁴ Имеются ввиду ученые, национальную принадлежность которых трудно определить однозначно, поскольку они получали образование и начинали профессиональную научную деятельность в одной стране, но

затем переезжали в другую. Речь идет в основном о тех, кто переехал из стран континентальной Европы в США (С. Кузнец и В. Леонтьев — из России, Т. Купманс — из Нидерландов, Ф. Модильяни — из Италии, Д. Харшаньи — из Венгрии) или в Великобританию (Ф. фон Хайек — из Австрии). Еще двое — это экономисты-евреи, чья жизнь прошла в переездах между США и Израилем (Д. Канеман и Р. Ауманн). Особая ситуация — А. Сен, родившийся и начинавший учебу в Индии, но работавший в основном в Великобритании.

⁵ Немногие кажущиеся исключения лишь подтверждают правило. Нобелевский лауреат по экономике 1998 г. Амартия Сен родился в Индии, но получил докторскую степень в Кембридже, работал в основном в Кембридже-Оксфорде-Гарварде, поэтому его справедливо называют британским экономистом индийского происхождения и гражданства. Аналогично, Нобелевский лауреат по экономике 1979 г. Артур Льюис хотя и родился в Вест-Индии, но является британским экономистом. А перуанский экономист Эрнандо де Сото, автор международных бестселлеров о проблемах неформальной экономики, первые десятилетия своей жизни жил, учился и работал в странах Западной Европы, поэтому называть его перуанцем можно лишь с большой долей условности.

⁶ Итальянца Вильфредо Парето, строго говоря, надо считать итало-французским экономистом: он получил образование в Туринском университете, но испытал сильное влияние французской культуры (половина его трудов написана на французском языке), а научной работой занимался в основном в швейцарской Лозанне — культурной периферии Франции.

⁷ Которого, кстати, в число Нобелевских лауреатов «не впустили», поставив тем самым под сомнение его место в мировой «табели о рангах».

⁸ С обсуждением достижений этих и других немецких экономистов можно ознакомиться по книге: Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России / под ред. Р.М. Нуреева. М., 2007.

⁹ Например, ни В. Ойкена, ни тем более Л. Эрхарда нет ни в «Основных течениях современной экономической мысли» Б. Селигмена (М., 1968; перевод с издания 1963 г.), ни в «Экономической мысли в ретроспективе» М. Блауга (М., 1994, перевод с издания 1985 г.). Лишь в старой «Истории экономической мысли XX в.» Э. Жамса (М., 1959, перевод с издания 1955 г.) можно найти тройку ссылок на В. Ойкена.

¹⁰ В данном разделе использованы некоторые материалы д.э.н., профессора Р.М. Нуреева.

¹¹ Латов Ю.В. Теории экономической истории — новые, новейшие и рождающиеся // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2; Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Институциональная теория экономической истории, которую нам предстоит создать: история как конкуренция институтов // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. Вып. 89-1. Донецк, 2005.

¹² Концепция конкуренции как механизма исторического развития опирается на идеи «конкуренции как процедуры открытия», предложенные Ф. фон Хайеком (Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12. С. 5–14).

¹³ Именно такая ситуация сложилась, например, в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. в России, когда «зеленая» («махновская») социально-экономическая модель была для большинства крестьян объективно привлекательнее и «красной», и «белой» моделей, но не обеспечивала крестьянам эффективной защиты от «человека с ружьем».

¹⁴ Так, во время конкуренции в XIII–XV вв. московской и новгородской моделей русской государственности победила московская модель, поскольку именно она позволяла обеспечивать более высокую обороноспособность. При таком высшем критерии эффективности экономическая и политическая демократия новгородской модели уступили место помещичьей системе и царскому деспотизму.

¹⁵ Используемый В. Ойкеном термин *Interdependenz* (буквально — взаимосвязь) означает взаимозависимость хозяйственного, правового и политического порядков. Это понятие имеет тот же смысл, что и идея «включенной экономики» Карла Поланьи.

¹⁶ Проблема культурного контекста развития экономической мысли ранее находила отражение в работах зарубежных экономистов. Так, американский экономист Д. Мак-Клоски критически проанализировал используемые экономистами методы изложения своих идей, доказывая, что убедительность аргументации экономистов часто есть результат не только научной логики, но и чисто риторических приемов (см.: McCloskey D. *The Rhetoric of Economics: Second Edition*. Madison: University of Wisconsin Press. 1998; Расков Д.Е. *Экономическая теория как риторика // Проблемы современной экономики*. 2006. № 1/2.) Предлагаемый нами взгляд на конкуренцию научных школ как отражение конкуренции национальных экономических систем ранее, насколько нам известно, в литературе специально не рассматривался.

¹⁷ На протяжении «британского века» (1815–1914 гг.) не раз возникали ситуации, когда войны могли нанести удар по британской морской торговле. Идеология «свободной торговли» как наднациональной ценности приводила к тому, что война на море либо строго локализовалась в отдалении от зон активной британской торговли (Крымская война 1853–1855 гг., американская война между Севером и Югом 1861–1865 гг.), либо даже вообще предотвращалась (франко-германская война 1870 г.).

¹⁸ В современной истории развития экономической науки, пишущейся под сильным влиянием идеологом победившего англо-американского «экономикса», значение Ф. Листа принято недооценивать. Между тем его влияние на интеллектуалов XIX в. (особенно в странах догоняющего развития, включая Россию) было очень сильным.

¹⁹ О сравнительном влиянии экономической мысли разных стран можно судить, например, по количеству переводных изданий. Если посмотреть на опубликованный в журнале THESIS (THESIS. 1993. Вып. 1. С. 227–255; THESIS. 1994. Вып. 4. С. 226–248.) каталог переводов экономической литературы на русский язык, то можно заметить, что в дореволюционных изданиях переводы немецких авторов численно преобладают: из 525 изданий (без учета сборников) переводы с немецкого составляют почти половину (243 издания), а остальное почти в равных долях составляют переводы с английского (153 издания) и с других европейских языков (129 издания), в основном с французского. В период 1917–1941 гг. доля немецких авторов даже растет — из 223 изданий более половины (115) приходится на немецких экономистов, которые опережают и английских (67), и всех остальных (41). Зато после войны и до наших дней переводят почти исключительно английских экономистов. Как известно, книги Л. Эрхарда и В. Ойкена издали в России только в 1990-е гг.

²⁰ Для доказательства того, что речь идет об угасании именно немецкой экономической науки, а не немецкой науки как таковой, можно сравнить число немцев в разных категориях Нобелевской премии: среди лауреатов Нобелевской премии по экономике лишь 1 немец (из 58 лауреатов 1969–2006 гг.), в то время как среди лауреатов Нобелевской премии по физике только за 1981–2000 гг. — 9 немцев (из 45 лауреатов), среди лауреатов Нобелевской премии по химии за тот же период — 3 (из 39), среди лауреатов Нобелевской премии по физиологии и медицине — 4 (из 43). Таким образом, в сфере естественных наук, где национальной ангажированности нет, Германия продолжает конкурировать с другими развитыми странами, а вот в сфере общественных наук она «выбита» из конкуренции.

²¹ См.: <http://www.management.edu.ru/db/msg/275946.html>.

²² См., например: Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

²³ См., например: Латов Ю.В., Латова Н.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4.

²⁴ См.: <http://www.management.edu.ru/db/msg/275946.html>.

²⁵ См.: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/271486.html>.

²⁶ Ванберг В. «Теория порядка» и конституционная экономика // *Вопросы экономики*. 1995. № 12.

²⁷ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики (Нобелевская лекция) // *Вопросы экономики*. 1994. №6.

²⁸ См.: <http://www.management.edu.ru/db/msg/271486.html>.

²⁹ Изложенная в данной статье концепция предлагается как гипотеза. Для ее формального доказательства необходимо проделать обширную библиографическую и эконометрическую работу, проследив корреляцию переводов и индексов цитируемости экономистов разных наций с циклами гегемонии в мир-системе.